

Фантастические миры

Константин КАЛБАЗОВ

ОТСТУПНИК
Приватир

Константин Георгиевич Калбазов

Отступник. Приватир

Серия «Отступник», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68447413

Приватир:

Аннотация

Я решил все проблемы с наследованием и теперь мне нечего опасаться преследований со стороны дяди. Правда же? Ну ведь правда? Вот хочется верить, что хоть что-то может пойти так, как задумано.

Ну что на это сказать. Хотеть не вредно. Вредно не хотеть. Потому что дядюшке не даёт покоя моя скромная персона. Да и для остальных я фигура в которой течёт кровь Рюриковичей, дающая мне право на великокняжеский стол. Вот и наблюдают за моими потугами, запасишься попкорном.

Словом, всё как всегда. Хочешь мира, готовься к войне. Хочешь спокойной жизни, будь для этого достаточно сильным. Да не вопрос!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Константин Калбазов

Приватир

Глава 1

– Итак, вы убили напавшего на вас вольного пилота Рыбакова.

– Да, господин штаб-ротмистр.

– Что дальше?

– Захватил Горина и приказал отвести меня к самолёту. После чего мы взлетели и взяли курс на Владимир. В полёте я вынужден был убить и его.

– Почему? Разве он представлял для вас угрозу?

– Да, представлял. Выбор был невелик, либо он, либо я.

Говоря это, я держал в голове то, что он мог меня выдать, а там до меня доберутся убийцы. А не то, что мне нужны были документы, и жалеть этого душегуба я не собирался. Но говорить об этом я, ясное дело, не стал, я ведь не судья, чтобы выносить приговор, и не палач, дабы его исполнять. Да и нет в Русском царстве смертной казни. Каторга имеется, а вот казней нет.

Так вот, пока я так думал и отвечал именно в этом ключе, я не врал, и «Лжекамень» отмечал, что я искренен. Правда, долго такое продолжаться не может. Стоит начать задавать

перекрёстные вопросы, как я очень быстро попадусь на враг. Да чего там, начини жандармский дознаватель задавать конкретные вопросы, и все, готов кондитер.

Однако тот проявил верх некомпетентности. Вопросы задавал по большей части общие, словно предоставляя мне простор для манёвра. Мои обтекаемые ответы его вполне устраивали. Складывалось впечатление, что он сам старается сделать всё так, чтобы я, не дай господь, не выдал себя. Вообще-то, я уже готовился махать киркой и бегать с тачкой. А тут такое.

– А самолёт куда подевали? – спросил жандарм.

– Поджог и отправил в море от греха подальше.

– То есть отказались от законного трофея.

– Обнаружил документы Горина и решил ими воспользоваться. А самолёт это яркий след для убийц. В деньгах же стеснений я не испытывал.

– Неужели дядя не снабдил вас документами?

– Убийцы моей семьи сумели пробраться не просто в наш кремль, но даже в центральную усадьбу и установить там бомбу. Я же хотел затеряться и стать простым пилотом. Мне показалось, что новые документы помогут мне в этом.

– Ясно. – Штаб-ротмистр выставил ладонь лодочкой, и я вложил в неё кольцо с «Лжекамнем».

И это всё?! Серьёзно?! Я уже был под следствием и знаю, насколько въедливы следователи, которых интересуют малейшие детали. А тут вот так, прошёлся по вершкам и успо-

коился?

– Теперь давайте запишем ваши показания, – берясь за бланк и перо, произнёс он.

Опрос он вёл куда скрупулёзней. Спрашивал о деталях, сыпал уточняющими вопросами. Но тут уж я врал самозабвенно, при этом тихо худея от происходящего. Что мешало опрашивать меня вот так же с амулетом на пальце? Но нет, штаб-ротмистр убедился в том, что я в общем и целом не вру, после чего продолжил уже без местного полиграфа. В подобный непрофессионализм жандармов как-то не верилось.

– Вот и все, – забирая у меня подписанные мной опросные листы, удовлетворённо произнёс штаб-ротмистр.

– И что теперь?

– А теперь, Григорий Фёдорович, вы отправитесь в камеру, где будете ожидать суда. Если согласитесь на рассмотрение в особом порядке, то заседание состоится уже завтра, а приговор будет гораздо мягче.

– А в особом порядке это как?

– Закрытое заседание без присяжного поверенного. И я бы вам советовал не отказываться. Это, конечно, не явка с повинной, – он показал на опросные листы, – но налицо деятельное сотрудничество с дознанием. Что также является серьёзным смягчающим фактором.

– А можно полюбопытствовать, что именно мне инкриминируют?

– Опрос производился с использованием спецсредства «Лжекамень», и было доподлинно установлено, что Рыбаков и Горин убиты вами в результате самообороны. Таким образом, в содеянном мною не усматривается преступления, о чём и будет вынесено соответствующее постановление. Чего не сказать об использовании чужих документов. Но если вы согласитесь на особый порядок, уверен, что дело обойдётся штрафом. Немалым. Но это всё же не каторга. Итак?

– Я согласен на особый порядок.

– Правильное решение, молодой человек. – Берясь за колокольчик, штаб-ротмистр подбодрил меня улыбкой.

А что я теряю? Проживание по подложным документам статья однозначно мягче двойного убийства. Хорошо, Валеру я грохнул, защищаясь, но Фёдора-то хладнокровно, с расчётом завладеть его документами. Пусть он и не невинная овечка, но это предумышленное убийство.

Так что подводных камней в предложении штаб-ротмистра я не видел, хотя и решительно не понимал, какого, собственно говоря, лешего. Очень может быть, что причина сугубо внутривластная. Я, конечно, отступился от наследства, став абсолютно бесполезным. Но той же оппозиции царя на это плевать, им бы знамя задрать повыше и вой поднять до небес о несправедливости государя. Получится что-то, отлично, не получится, да и хрен бы с ним, они ничего не теряют. Опять же, как в том анекдоте – ложечки нашлись, но осадочек остался...

Взяли меня под белые ручки в гостинице ещё ночью. Поначалу я пожалел, что не рванул отсюда сразу, благо не так уж и устал. Но потом отмахнулся от этих мыслей. Если рвать когти за кордон, тогда ещё да, оставаясь же в пределах Русского царства, никакого смысла. Это ведь не великокняжеская полиция пожаловала и не стража, а жандармы, имеющие полномочия на всей территории конфедерации.

Ночь я провёл в камере, после чего меня доставили на допрос. Мне даже не предоставили поверенного. Как пояснили, в этом нет смысла, так как пока идёт предварительное дознание. Но как-то так получилось, что оно плавно перетекло в досудебную фазу, и завтра уже суд. Лихо у них тут всё!

Ещё круче было в суде, где я задержался не более получаса. При том, что само заседание длилось минут десять, и это с учётом изучения судьёй постановления штаб-ротмистра о передаче дела в суд. Приговор, штраф в размере пяти тысяч рублей, каковые необходимо было внести в казну не позднее десятидневного срока. Всё! Дело закрыто!

– Григорий Фёдорович, я бы посоветовал вам обратиться в канцелярию великого князя с просьбой о выдаче вам новых документов. Александр Иванович имеет право выписать их вам на любое имя с соответствующими отметками в своих архивах, разумеется, – посоветовал штаб-ротмистр.

– То есть я могу получить их и на имя Горина?

– Безусловно. Только лицензии штурмана и пилота лучше всё же оформить местные и сделать соответствующие помет-

ки в Пскове, дабы избежать чехарды в последующем.

— Я вас понял.

— И да, не забудьте забрать у секретаря решение судьи, а также озаботьтесь приложить к нему квитанцию об уплате штрафа. В канцелярию и в паспортный стол лучше направляться уже с ними, иначе отправят восвояси.

— Благодарю.

— Не за что. Служба такая, — отмахнулся тот и пошёл на выход.

Ну а я направился к секретарю за решением судьи, а там нужно будет сегодня же заглянуть в великокняжескую канцелярию. Не хотелось бы лишний раз встречаться с дядюшкой, но, похоже, иначе никак.

Впрочем, обошлось без личного общения. Чиновники меня прекрасно знали, а потому в очереди я надолго не задержался. Проходивший мимо служащий остановился напротив меня с нескрываемым удивлением, поинтересовался, в чём причина моего появления. Затем скрылся в кабинете старшего делопроизводителя, куда тут же пригласили и меня. Доложили по инстанциям, сделали необходимые записи и сообщили, что утром меня навестят двое, готовые засвидетельствовать в паспортном столе мою личность.

Была такая практика. Дело в том, что паспорта имели далеко не все подданные. Надобность в них возникала лишь при поступлении на службу или при выезде за пределы острова. Для получения паспорта достаточно было либо соот-

ветствующей бумаги из канцелярии великого князя, либо двух свидетелей, уже имеющих паспорта, готовых засвидетельствовать личность непосредственно в паспортном столе.

Однако, несмотря на моё обращение в канцелярию, в случае со мной отчего-то решили использовать второй вариант. Хотя вполне сработал бы и первый. А может, я просто чего-то не понимаю, и мое дело подпадает под категорию особых.

По просьбе старшего делопроизводителя я просидел в кабинете ещё полчаса, устроившись у бокового столика и гоняя чай. А тем временем он лично занялся подготовкой всех необходимых документов. Закончив что-то писать, он оставил меня одного и вернулся буквально через пятнадцать минут.

– Прошу вас, Гр... Кхм. Фёдор Максимович. Это распоряжение великого князя. Завтра по получении паспорта посетите великокняжескую лётную школу, где вам выпишут лицензии пилота и штурмана уже на новое имя. Если пожелаете получить допуск на грузовые аэропланы, необходимо будет сдать дополнительные экзамены.

Мой реципиент уже давно имел обе специальности, окончив лётную школу. Тут это сродни автошколе в моем родном мире. Но его лицензия была, так сказать, любительская, дающая право управления аэропланами грузоподъёмностью до двадцати пудов. Так что без экзаменов мне не обойтись. Но уже хорошо, что никто не будет тянуть вола за подробности.

Покинув кремль, я направился на почтамт, где, отстояв в очереди, уплатил наложенный на меня штраф. Благо стеснения в средствах не испытывал. Мало того, у меня в кармане оставалось ещё предостаточно средств. И я не преминул этим воспользоваться, завалившись в трактир и плотно пообедав. Кормёжка в каталажке оставляла желать лучшего...

На следующее утро ровно в десять в мою дверь постучали. К этому времени я уже успел привести себя в порядок и позавтракать. Поэтому прихватил портфель с документами и направился на выход уже в готовности покинуть номер гостиницы.

В коридоре меня ожидали двое дружинников в лётной форме. Григорий в итоге должен был стать таким же великокняжеским соколом, носить точно такую же и впоследствии возглавить авиаполк. Впрочем, это не мои желания. Мне-то как раз служить не хотелось, и куда больше привлекала вольная жизнь.

Вот поброжу по свету какое-то время, а там можно будет подумать и о доме. Я всегда так поступаю, ибо ещё от отца уяснил одну незыблемую истину – молодость это всего лишь средство, чтобы обеспечить себе старость. Ни одна сиделка не позаботится о тебе так, как родные дети. Разумеется, если своевременно заниматься их воспитанием, а не оставлять это на потом.

Конечно, в жизни случается всякое, и порой родные дети получаются хуже заклятого врага, как ты их ни воспитывай.

Но от этого есть страховка. Как говорит старая поговорка: «Один ребёнок – не ребёнок. Два ребёнка – половина ребёнка. Три ребёнка – один ребёнок». И этого правила я также придерживаюсь.

– Горин Фёдор Максимович? – с нескрываемым пренебрежением поинтересовался дружинник с погонами унтера.

В княжеской дружине служить, конечно, престижно, но, поступая на службу, будь готов к тому, что до самой отставки можешь так и не выйти в офицерский чин. За карьерой это в царскую армию. Штаты княжеских дружин строго регламентированы законом. Великий князь имеет право содержать авиаполк, а это всего лишь тридцать шесть боевых самолётов.

– Решили воспользоваться возможностью, когда вам не могут ответить, господин унтер-офицер? Вы ведь сейчас выполняете приказ великого князя, а значит, находитесь на службе со всеми вытекающими, – склонив голову набок, иронично произнёс я.

Практика такова, что пилотами в дружинах служат исключительно дворяне. Это является незыблемой традицией. Штурманами и стрелками бомбардировщиков или транспортников могут быть и простолюдины, но командир непременно дворянин.

Я же теперь официально являюсь мещанином, и дворянин может разговаривать со мной, как ему заблагорассудится. Мне остаётся либо обтекать, либо ретироваться. Бросить вы-

зов я не имею права. Однако это не значит, что я совершенно бесправный. Если между нами нет связи начальник-подчинённый, то уже возможны варианты.

Я могу вынудить дворянина напасть на меня, а тогда уж получаю возможность защищаться адекватными средствами. Вплоть до применения огнестрельного оружия, если тот выстрелит в меня первым. Правда, тут имеется нюанс. Если это княжий или боярский человек, и при этом он находится на службе, самое лучшее **это** сбежать. Ибо поднять руку на него всё равно, что поднять руку на них самих.

Есть ещё вариант – драться на дуэли, если сам дворянин бросит мне вызов. Для них это не зазорно. Поединок есть поединок, и он является проявлением доблести. Иное дело, что подобное практикуется редко. Ибо проиграть схватку человеку, стоящему ниже тебя по статусу, это позор, который ляжет пятном на твою репутацию.

– Ты назвал меня трусом? – с вызовом произнёс унтер, надвигаясь на меня.

Конев Станислав Лукьянович известный бретёр. Вот уж кто никогда не бегал от драки, и даже намёк на его трусость вызывал в нём бешенство. Половина дуэлей, значившихся за ним, были не с дворянами, и ни разу ещё он не оказывался бит. Хотя и после драки с ним далеко не всегда поединщик отправлялся на тот свет. Подавляющее большинство отделялись лишь ранениями, нередко лёгкими.

И дядюшка не нашёл ничего лучше, как отправить ко мне

этого красавца. Интересно, он получил приказ убить меня на дуэли, или эти кости бросили просто наудачу? А ведь я искренне надеялся, что после всего того, что сделаю, Демидов предоставит меня самому себе.

Глупо? Вообще-то, опираясь на местное законодательство, не так чтобы и очень. Мне реально ничего не светит, и я не могу претендовать ни на что. Свидетельствовать против дядюшки? А смысл тогда мне отказываться от права наследования и опускаться ниже плинтуса? Не захотел бы Александр Иванович сделать меня мещанином, и был бы я простолюдином. Однако всё за то, что он решил поставить на мне точку.

– Я не называл вас трусом. Просто задал вопрос, – спокойно глядя ему в глаза, произнёс я.

– Ах ты мразь.

Он ударил меня раскрытой ладонью резко, без предупреждения и без замаха. Ошибочное мнение, что бить нужно кулаками. Вот такой удар свалит с ног не менее эффективно, и при этом шансы самому получить травму куда ниже. Разумеется, если бить основанием ладони, а не отвешивать пощёчину. Тоже, кстати, бывает весьма ощутимо.

Я и не думал обострять до крайности, поэтому, отшатнувшись назад, избежал столкновения с тяжёлой рукой далеко не худосочного пилота. А вот ему не повезло. В удар он вложился хорошо, как результат, его повело, и пальцы со всего маху столкнулись с декоративной деревянной панелью.

– Хк-к! – побледнев, выдал бретёр.

Ничего так. Крепкий мужик. Я явственно расслышал хруст. Да и пальцы вывернуло в обратную сторону. Бледный как полотно Конев поднёс к подбородку левую руку, и тут же по его лицу прошла лёгкая дрожь, боль из глаз ушла, как будто её там и не было, сменившись поволокой удовольствия, а пальцы неуловимо приняли своё естественное положение.

Одна из прерогатив дружинников – бесплатно и в любой момент сменить разряженный амулет на заряженный. Если он личный, тогда сдать на зарядку и получить уже на следующий день. Этот был личным топазом в пять карат.

– Сударь, сомневаюсь, что у вас был приказ прибить меня ещё до того, как вы выполните волю князя, – глядя ему прямо в глаза, спокойно произнёс я.

– Стас, остынь. У нас приказ, – положил ему руку на плечо второй пилот.

Этого я также знал. Вернее, Григорий. Ему были известны не только все пилоты, но и кто чем дышит. Мелихов Никита Сергеевич из потомственного дворянского рода, пять поколений которого верой и правдой служили Демидовым. Ничем особым не выделяется, за пять лет дослужился всего лишь до младшего унтера. Товарищи характеризовали его только одним словом – надёжный.

– Я в курсе, – рывком стряхивая руку с плеча, бросил Конев и ожог меня злым взглядом.

– Тогда давай сначала выполним, а всё остальное оставим

на потом, – предложил Мелихов.

Мне оставалось лишь скромно развести руками, мол, ничего не поделаешь. Конев в ответ дёрнул уголком губ и, развернувшись, двинулся в сторону лестницы. Я, улыбнувшись Мелихову, пошёл следом.

В паспортном столе надолго не задержались. Здесь, как и в Пскове, имелись большекаменные держатели очереди. Минут десять перед дверью, да не больше двадцати, пока заполняли паспорт, вносили всё необходимое в реестры, оформляли бумаги для отправки в псковское отделение, дабы привести учёт в порядок.

– Ну что, щ-щенок, теперь я не на службе, – когда мы вышли на широкое парадное крыльцо, многозначительно произнёс Конев.

– И что с того? – вздёрнул я бровь, изображая наивность.

– Я вызываю тебя.

– Меня? Но что я такого вам сделал?

– Ты называл меня трусом.

– Трусом я вас не называл. Господин унтер-офицер, господин Мелихов тому свидетель. А вот лжецом очень даже могу.

– То есть я лжец?! – надвинулся он на меня.

– Ну, если вы, глядя мне в глаза, говорите неправду, то выводы делайте сами.

– Ты принимаешь вызов, щ-щенок?

Вообще-то, можно было и отказаться, вынудить его уда-

ритель первым, а там без затей набить ему морду. В своих силах я не сомневался. В силу специфики местные, конечно, уделяют много времени рукопашному бою, совсем как в моём родном мире дворяне занимались фехтованием. Однако я мог их удивить, так как обладал опытом не одной эпохи. Но тут есть нюанс. Он всё ещё в форме. А валять в пыли великокняжеского дружинника так себе затея, которая очень даже может аукнуться.

– Рукопашный бой, – после короткой паузы произнёс я, так как выбор вида схватки остаётся за вызываемой стороной. – Только просьба не затягивать, мне завтра утром вылетать в Псков.

– Драться будем немедленно, – успокоил меня Конев.

От жандармского управления мы направились в тренировочный зал «Колтукова». Добирались на разном транспорте, как и предписывал дуэльный кодекс. Чему я был только рад. Вот не хотелось мне видеть рядом с собой эту рожу.

Вопрос с моим секундантом решился сам собой. Им вызвался быть один из тренеров. С местом поединка также никаких проблем. По десять рублей с каждого поединщика, и дерись хоть до посинения.

– Как будете драться? – поинтересовался распорядитель.

А вот тут уже выбор за оскорблённой стороной, ибо только он определяет, что именно может удовлетворить его уязвлённую честь.

– До смерти или пока кто-то не попросит пощады, – тут

же ответил Конев.

— А если один из вас лишится чувств или по иной причине не сможет признать поражение? — уточнил распорядитель.

— Это трудности проигравшего, — отмахнулся унтер.

— Ясно. Бой до смерти или пока одна из сторон не попросит пощады. Начинайте на счёт три, — подытожил распорядитель и, пятясь, начал отсчёт. — Раз. Два. Три.

Несмотря на свой боевой настрой, Конев не стал спешить с атакой. Пригнувшись, он выставил руки, словно борец, и начал кружить вокруг меня, постепенно сближаясь. Я же продолжал стоять прямо с опущенными руками, единственно все время поворачивался, удерживая противника перед собой. Я ничуть не сомневался в своей реакции, так как уже скользнул в боевой транс и наблюдал за происходящим как бы со стороны, подмечая малейшие изменения в движениях, мимике и выражении глаз Конева.

Наконец тот ринулся в атаку. Удар ногой по голени, я успел убрать свою, но атака оказалась обманной, Конев использовал её, чтобы сократить дистанцию. Не забыл, как я ловко уклонился в гостинице. Едва сблизились вплотную, как последовал апперкот правой в солнышко. Мне удалось нейтрализовать его, довернув тело и отведя его руку предплечьем. Но и это была лишь обманка, так как сразу же последовал хук левой в мою открытую челюсть.

Я, конечно, в трансе, да только и этот гад слишком хорош! Добиться полного успеха у него не получилось, однако мне

всё же неслабо прилетело даже вскользь. Уходя от атаки, я опрокинулся на спину, перекатившись через плечо.

Конев решил развить свой успех. А может, и не думал ни о чём, действуя на одних рефлексах. Неважно. Главное, что он ринулся за мной, и я сумел встретить его правой пяткой в солнышко. И, не поднимаясь, довершил контратаку подъёмом стопы левой в голову.

Противник помассивней меня, поэтому не улетел и даже не упал на пол, а опустился на колено, тряся головой и пытаясь втолкнуть в лёгкие воздух. Да только и я не собирался почивать на лаврах. Подогнул правую ногу под себя, одновременно выбрасывая тело вперёд и вверх. Мгновение, и я на колене. Ещё одно, и моя открытая левая ладонь прилетела противнику в затылок.

Конев растянулся на полу, возможно, потеряв сознание, но я не стал останавливаться на достигнутом, схватил его за правое запястье и поднялся на ноги, выворачивая руку, после чего ударил коленом с обратной стороны сгиба локтя. Предплечьем было бы удобней, но я усомнился, хватит ли у меня сил для задуманного. Послышался хруст, и зал огласил дикий крик, полный боли. Однако пощады никто не просит. И плевать, что даже если захочет, то не сможет этого сделать.

Я перевернул его на спину и ударил каблуком по рёбрам. Бил расчётливо, со знанием анатомии, выверенно и строго по месту. Вместе с тупым ударом по телу слышался влажный хруст. Конев подавился криком, не в состоянии ни вдох-

нуть, ни выдохнуть. Ещё удар, и опять хруст, из его рта выметнулись капли крови. Сломанные ребра пронзили лёгкие. Ещё один удар, и вместе с кровью, выхаркнутой им, его глаза затянуло мутной поволокой, а потом они начали быстро стекленеть.

– Как-то так, – равнодушно произнёс я.

Едва стало понятно, что поединок завершён, к Коневу подошёл местный медик, осмотрел его и констатировал смерть. Он, конечно же, мог поднять его хоть своим амулетом, хоть амулетом Конева. Но условия схватки не позволяли ему этого сделать. Пощады унтер не просил, и жизнь его теперь полностью в моих руках.

Я же, молча склонился над трупом и снял с руки перстень «Лекарь». Такие здесь правила поединка. Победивший забирает с побеждённого трофеи. Больше ничего ценного при нём не было, и я, не проронив ни слова, направился на выход. С одной стороны, нет никакого желания прощать того, кто хотел меня убить. С другой, пусть будет посланием дядюшке. А в том, что это был бросок наудачу, я уже не сомневался.

И да, валить нужно из Большекаменского, пока ветер без камней. Видит бог, я сделал всё для того, чтобы отойти в сторону. Хватался за маломальский шанс, чтобы не втянуться в эту возню. Но, похоже, всё зря. Миры разные, а дерьмо везде одинаковое. Интересно, сколько у меня осталось времени? Вряд ли много. Значит, нужно форсировать создание своей команды. И не в том виде, в каком планировал изначально.

Ну вот почему оно опять, как всегда-то?!

Глава 2

— Эвон, стало быть, как, — хмыкнув, тряхнул головой Гаврила и принялся набивать трубку душистым табаком.

Не сказать, что он дымил нещадно, но под настроение выкурить трубочку любил. Ну или вот так, когда нужно было собраться в кучу. Новость, вываленная им на голову, рядом-то никак не назвать.

Так-то предварительно они обо всём узнали из газет. Благо Анастасия почитывает прессу с завидной регулярностью. Но это их не больно-то и расстроило. Гаврила даже как-то приосанился и выдал друзьям-знакомым, мол, он не промах, знает, кому служить. А то, что княжич не схотел вешать себе ярмо на шею, так это понятно — он ведь всю жизнь мечтал об аэропланах, а его вместо этого на стол править. Вот и подался восвояси вслед за своей мечтой. И уже успел завоевать какой-никакой авторитет. Пока не как пилот, но лиха беда начало. Он всем ещё покажет! Потому как если к делу с любовью, оно не может не спориться.

С девушкой как-то непонятно. Известие о моём прошлом она восприняла вроде бы и ровно, и в то же время ходит сама не своя как в воду опущенная. А ещё малость испуганная, что ли. С чего бы ей пугаться, коль скоро подробности я озвучил только сейчас?

Рассказал я им, разумеется, не всё, а отредактированную

версию. Вот уж о чём не собирался говорить никому, так это о том, что точно знаю, кто стоит за гибелью моей семьи. Сейчас-то на меня косятся и фыркают, но далеко не все. И дворяне в том числе. Многие молодые и горячие вообще воспринимают меня как образец для подражания. Плюнул на всё и пошёл вслед за своей мечтой, за жизнью, полной приключений! Но стоит узнать о моём фактическом бегстве, как из кумира я тут же превращусь в презренную тварь. Словом – от любви до ненависти один шаг.

Но мнение горячих мальчишек меня интересовало мало. Как, впрочем, и Анастасии. Для меня она просто проходящая мимо. Не она, так другая. Мой прежний небогатый опыт показывает, что в случае необходимости я вполне смогу обойтись и без штурмана. Во всяком случае, на первых порах.

А вот опытный бортмех. Это совсем другое дело. Паровики, как я уже не раз говорил, требуют систематического ухода. Конечно, можно обслуживать машины и в мастерских гильдии или в порту. Но тут, опять же, кто его знает, какой уровень у тех спецов. К тому же есть ещё и поломки с вынужденными посадками в какой-нибудь глуши.

– Ну, я всяко-разно с тобой, Фёдор Максимович. Хочет тебя порешить твой дядюшка или нет, это только твои догадки. А я, поди, и так каждый раз башкой рискую, – пыхнув терпким табачным дымом, произнёс здоровяк.

– Подумай, Гаврила, у тебя ведь семья.

– А я подумал, ты не сомневайся.

– И что вы собираетесь предпринять, Фёдор Максимович? – поинтересовалась Анастасия.

– Пока стану кочевать. Чередовать рейсы гильдии с порожними скачками, сбивая со следа возможных преследователей. Да хоть в кругосветку отправлюсь. Гильдия раскинула свои щупальца по всему миру. А то можно и сторонними рейсами подрабатывать. Ну и думать, как обезопасить себя в дальнейшем.

Вообще-то, мне следовало поступить так с самого начала. А обзавестись документами через тот же криминал. Найти меня за бугром, да ещё и при кочующем образе жизни, было бы весьма проблематично. Но как я уже говорил, я не ожидал подобного проворства от местных сыскарей, а потому моё обнаружение было бы только делом времени. Опять же, разговор с дядюшкой под «Лжекамнем» должен был показать ему всю искренность моих намерений. Но, похоже, всё напрасно.

– А если вы всё это сами себе напридумывали? – спросила Анастасия.

– Может, и так, – пожал я плечами, – но лучше подстраховаться, чем после изумляться. И потом в крайнем случае мир посмотрю. Всё в плюсе.

Вообще-то, убегать и прятаться от проблем это самая настоящая глупость, если они реально есть, то непременно догонят. Так что вариантов два, либо купировать проблему, ли-

бо стать настолько сильным, чтобы до тебя не могли дотянуться. И в обоих случаях нужны деньги.

Я знал, откуда их взять. Оставалось найти тихий уголок, где можно было бы устроиться без опаски. Хотя бы на какое-то время. Ну и, конечно же, иметь возможность летать. Ну нравилось мне ощущение полёта, и я не видел смысла отказывать себе в этом.

– Понятно. Тогда я тоже с вами, – решительно произнесла Анастасия.

– Уверены?

– Гаврила Степанович прав, ваши умозаключения ещё ничего не значат. Мне нужна практика, а вы затеяли самую настоящую кругосветку. Я промолчу о том, что это само по себе интересно, так ещё и практика получится разносторонней. Да мне за такую возможность цепляться обеими руками нужно. Разумеется, если я вас устраиваю как штурман.

– Пока устраиваете. А как там оно будет дальше, время покажет.

– Фёдор Максимович, а как же мои? Мне что же, деньги в мошне с собой носить? – спохватился Гаврила.

– Зачем же. Представительства «Русского банка» есть по всему свету. Оформить доверенность жене на использование твоего счёта, и всех дел.

– Хм. И когда вылетаем?

– Пару дней на то, чтобы утрясти все вопросы, а тогда уж можно будет подумать и о первом рейсе.

– Ладно. Пойду, свою обрадую, – вновь пустив облако табачного дыма, поднялся Гаврила.

При этом протез никак о себе не дал знать. Ни скрипа, ни треска, вообще ничего. Словно и нет его. Вот что значит хорошее изделие при должном уходе...

Полночи занимался шлифовкой сапфиров, успев огранить три камня по десятку карат. С учётом их чистоты и того, что об искусственных тут пока не знают, в общем получается порядка четырнадцати тысяч. Конечно, при реализации выйдет на треть меньше, но всё равно очень даже прилично. А когда всё же найду место, где смогу заняться этим вопросом более плотно, дела и вовсе выправятся.

Наутро отправился в паспортный стол, чтобы закрыть вопросы со сменой документов. Времени это заняло немного. Затем забежал в банк и наконец в гильдию, дабы привести дела в надлежащий вид.

Здесь на меня бросали любопытные взгляды, но заговорить никто не пытался. Я ведь ни с кем и не общался-то толком. Помощница кадровика Таничева пыталась со мной заигрывать, изображая из себя скромницу. Я подумал было, а почему бы и нет, но потом махнул на это дело. Не выюноша бледный со взором горящим, у которого все мысли только вокруг этого и крутятся.

Затем направился в амулетную лавку Абрамова. Коль скоро мне теперь нет необходимости обосновывать свои доходы, пришла пора закрыть вопрос с кредитом. По-хорошему, оно,

конечно, лучше эти деньги вложить в какое-нибудь предприятие. Но у меня нет должных знакомств, а в этом мире я ещё плохо ориентируюсь.

Можно было бы заняться самому, как я это делал прежде. Вот только для этого нужно осесть, чего мне делать ни в коем случае не рекомендовалось. Как уже говорил, я не имел возможности даже обработать имеющиеся у меня запасы сапфиров и рубинов.

– Здравствуйте, Фёдор Максимович, – с открытой улыбкой приветствовал меня хозяин лавки.

– Здравствуйте, Мартьян Ярославович, – поздоровался в ответ я.

– С чем пожаловали? Если опять желаете предложить мне амулеты, то я не вижу причин для отказа.

– Читаете, стало быть, газеты, – хмыкнул я.

– Ну для чего-то же меня обучали в школе грамоте. Так отчего этим не пользоваться, – развёл руками купец.

– Я по поводу кредита.

– А что с ним не так?

– Хочу закрыть этот вопрос.

– А куда вам спешить? Гасится и гасится. А так придётся вывалить банку сразу весьма крупную сумму, которую можно вложить во что-то дельное.

– На данный момент мне куда предпочтительней всё же избавиться от кредита. И получить свободные средства.

– И как скоро вы желаете закрыть этот вопрос?

– Сегодня.

– О как! – искренне удивился Абрамов.

– Увы, но я серьёзно ограничен во времени.

– А давайте так, молодой человек. Вы ведь пока внесли только четверть стоимости «Альбатроса». Минус от сотни вашего залога, и получаем на выходе семьдесят семь тысяч пятьсот рублей. Мы сейчас же отправляемся в банк, где переоформляем ваш кредит на меня, я перевожу на ваш счёт означенную сумму, и все довольны.

Понятно. Похоже, Абрамов уже нашёл покупателя на мой бриллиант, но сделка пока только в процессе, а свободных денег у него не хватает. Согласно же нашего договора, в случае невозможности выплаты всей суммы он должен вернуть мне амулет.

На этой сделке он уже заработал чуть больше трёх тысяч, и если он её завершит, она принесёт ещё порядка двадцати пяти. За минусом банковского процента за кредит, разумеется, чуть меньше. Но всё одно выгода ощутима, и отказываться от столь существенной прибыли попросту глупо. Тем более что от него требуется лишь немного телодвижений.

У меня, конечно, остаются ещё амулеты общей стоимостью порядка семидесяти тысяч. Только Мартьяну Ярославичу они сейчас не по карману. И к слову, в немалой степени как раз моими стараниями. Его лавка однозначно имеет не один миллион годового оборота, а прямо сейчас в ней товара не меньше, чем на десяток. Только я изрядно так вы-

брал у него оборотные средства, а он не может себе позволить обнулить свой счёт.

Но и средств, оказавшихся в моём распоряжении, вполне достаточно, чтобы при случае вложиться в какое-нибудь предприятие. Хотя, безусловно, от амулетов желательно избавиться. В случае необходимости получить доступ к деньгам на счёте я смогу, находясь за тысячи вёрст. А вот к камням в ячейке уже не получится. Таскать же их с собой глупо. Значит, придётся навестить другие лавки.

– Я согласен на переоформление кредита, Мартьян Ярославович.

– И ещё, Фёдор Максимович, предлагаю выкупить у вас ваши амулеты под обязательство внести деньги на ваш счёт в течение месяца.

– Хм. За оставшиеся два бриллианта и топазы там получится серьёзная сумма порядка семидесяти тысяч.

– Отсрочка в месяц или возврат амулетов с компенсацией по сто рублей за каждый, – тут же дополнил он своё предложение.

– А что вы скажете, если я захочу приобрести у вас «Зарядник» за сотню карат. Найдётся у вас такой товар?

– Топаз в сто шесть целых и четыре десятых карата на сумму восемьдесят четыре тысячи восемьсот рублей, – утвердительно кивнул купец, с трудом сдерживая удовлетворение.

– Отлично, – выкладывая на стеклянный прилавок малахитовую шкатулку с амулетами, произнёс я.

Ещё три с половиной тысячи я потратил на покупку комплекта из четырёх «Разговорников» в два карата каждый. В принципе, мне хватило бы и трёх, но меньше не было. Так что получилось на вырост. Дорого, не без этого, но связь того стоит.

По совокупности сделки Абрамову оставалось перевести мне на счёт пятьдесят семь тысяч двадцать три рубля семьдесят пять копеек. Как по мне, так удачный день!

Покончив с переоформлением кредита и пополнением счёта, я прошёлся по заказам и оплатил их доставку домой. Пора заняться переснаряжением патронов. Впрочем, я это поручу Гавриле. Пусть трудится. Всё снарядить ему, конечно, не успеть, но сколько-то изготовит, а там заберём с собой, изыщем время и закончим.

После обеда направился в царское присутствие, каковое представляло трон и имелось во всех стольных городах. Там я уплатил единый налог и получил грамоту купца третьей гильдии. Не обычную, а особую, позволяющую только один род деятельности – подзарядку амулетов Силой.

Как уже говорилось, амулетные лавки тяготеют к стольным градам с источниками Силы. Но амулетами пользуются повсюду, и каждый раз кататься за подзарядкой в княжеские столицы весьма проблематично. Потому появилась особая каста купцов, предоставлявших именно эту услугу. Этим можно было заниматься параллельно основному занятию, потому как пусть услуга и востребованная, тем не менее

в очереди желающие не стоят.

Княжья грамота стоила дешевле, но позволяла покупать Силу по льготной цене только в конкретном месте. Царская обходилась значительно дороже, но теперь уже можно было напивать «Зарядники» по всему Русскому царству. Что меня устраивало куда больше.

Настя осмотрела комнату флигеля, не забыла ли чего. Взгляд задержался на полнице, под которой она устроила тайник, сложив туда дневники учителя. Для неё они представляли значительную ценность. Изучая их, а не машинально копируя в спешном порядке, она могла серьёзно продвинуться в собственном развитии, следуя не по целине, а торной дорогой, избегая ошибок, допущенных её наставником, шаг за шагом познавая природу Силы.

Несмотря на то, что одарённые создали свою гильдию целителей, противоречий меж ними куда больше, чем общего. Они вынуждены кое-чем делиться, дабы и самим иметь доступ к чужим наработкам. Однако при этом куда больше скрывают, чем делают достоянием остальных. Как результат, познание природы Силы идет медленно, как ползущая улитка. Быть может, кто-то из целителей долгожителей и углубился в этом плане много дальше остальных, но говорить об этом не спешит.

Увлёкшись Силой, они вовсе не лишены тщеславия и, понимая, что их век когда-нибудь закончится, стремятся обжа-

вестись учениками. Они помогают им на пути развития, а затем передают свои знания, опыт, и наконец делают их наследниками и продолжателями **своего** дела. Вот только одарённые весьма редко встречаются среди людей.

Каких-то двести лет назад их и вовсе преследовали как слуг сатаны. Конечно, они гораздо сильнее обычного человека, даже если тот обзавёлся такими костылями взаимодействия с Силой, как амулеты. Но если убить тебя желает не один, и настроены они решительно, тебе не выстоять, ибо запасы вместилища не бесконечны.

Те из одарённых, кто возомнил, что может сам править, погибали куда быстрее прятавшихся и познававших Силу втайне. Знать и не думала уступать свою власть, без тени сомнений и жалости уничтожая зарвавшихся адептов Силы. Поэтому они предпочитали сидеть в самых дальних углах, зарабатывая себе на хлеб насущный целительством.

Ситуация начала резко меняться с появлением амулетов. Теперь одарённым было что предложить сильным мира сего в обмен на безопасность и возможность без опаски заниматься своим делом. Как результат, при княжеских и боярских дворах появились целители.

Так уж вышло, что князь Кувандыкский стал обладателем технологии получения дешёвого алюминия в товарных количествах. Ценность этого металла переоценить сложно. Это многомиллионные доходы! Причём в достаточно бедном Оренбургском великом княжестве, где, по сути, всё дер-

жалось на источнике Силы. Новое производство серьёзно увеличило бы доходы в казну.

Вне всякого сомнения, великий князь Оренбургский подвинул бы одного из своих князей, завладев этой золотой жилой. Туровский же не желал отдавать своё, а потому задумал отложиться, став удельным князем. Для чего собирался заручиться поддержкой царя.

Учитель сделал ставку на победу Туровского. Он понимал, что тот на этом не успокоится и, набрав с помощью денег силу, постарается занять великокняжеский стол. И опять не без помощи государя. Благо по законам Русского царства право на это он имел, так как по крови являлся дальним Рюриковичей.

Интерес наставника Анастасии был в получении доступа к источнику Силы. То, к чему стремились все одарённые, но не у всех была такая возможность. А ещё стоило попытаться завладеть дневниками великокняжеского целителя. Ценность подобных записей для одарённых переоценить невозможно.

Однако всё пошло наперекосяк. У самого Орехова сил, может, было и не так много для стремительного подавления восстания, но ему помогли соратники по партии. Царь не поддержал Туровского. Не прошло и месяца, как с восстанием было покончено, а её учитель погиб. Настя прочитала об этом в газетах за день до возвращения Горина.

Теперь она осталась одна. И если по её следу уже идут

ищейки, то самое лучшее, что она могла придумать, это присоединиться к Фёдору Максимовичу. Тот и сам будет в бегах, а значит, всё время настороже, старательно запутывая след. Ей даже делать ничего не нужно, просто находиться рядом.

Из дневников учителя она забрала с собой только необходимый на данном этапе для собственного развития. Три последних, которые так и не успела скопировать, и самые важные она поместила на хранение в банковскую ячейку. Остальным предстояло дожидаться её возвращения в тайнике.

Настя подхватила свой чемодан и вышла из флигеля. Заперла дверь, на прощание помахала ручкой Антонине Прохоровне и легко сбежала с крыльца к поджидающему их такси. Горин был уже там, Гаврила Степанович поцеловал жену, обнял дочь, потрепал вихры Витьки, присел и обнял сына шести и дочь десяти лет, после чего двинулся к калитке.

Каких-то пятнадцать минут, и локомотив домчал их до порта, где уже ожидали представители с грузом и вездесущие грузчики, готовые за скромную плату избавить экипаж от необходимости возиться с погрузкой или разгрузкой. Остётся только показать, куда именно и как размещать груз.

Эта почётная обязанность традиционно ложилась на плечи штурмана. Но, учитывая её неопытность, за ней в свою очередь присматривал Лужин. При этом вёл себя в высшей степени тактично, указывая на недочёты и поясняя кое-какие тонкости так тихо, чтобы никто из посторонних не слы-

шал.

– Спасибо, Гаврила Степанович, – поблагодарила она его, когда груз наконец был закреплён.

– Да бросьте, Анастасия Ильинична. Мы же одна команда, как иначе-то.

– Ладно. Будет нужда, я вам тоже помогу с машинами.

– Вот уж чего не надо. С этим я и сам как-нибудь. А то потом переделывать ещё. – Гаврила выставил перед собой руки в шутовском протесте.

– Так я только ключи подавать буду, – тут же нашлась она с ответом, одарив его озорной улыбкой.

– А-а, это совсем другое дело. Тогда годится, – с наигранно важным видом качнул он головой, и они рассмеялись.

– Гаврила Степанович, вы меня просто по имени зовите. Ладно?

– Ну, тогда и вы меня по батюшке не величайте, а то прямо как и не мне говорите.

– Договорились.

– Настя, вы тут побудьте, а мне отлучиться нужно. Пока Фёдор Максимович отметит документы на вылет, я как раз обернусь.

– Бегите, конечно. Я поберегу наш «Альбатрос», – похлопала она по «Коловрату» на бедре.

Едва бортмех ушёл, как она прошла в грузовой салон и, вооружившись шилом, выковыряла из щели пятикаратный топаз. А там и второй, практически близнец первого, но уже

из другой щели. Она их почувствовала сразу, как только подошла к самолёту. Единственно её уровня познания пока недостаточно, чтобы по одним лишь ощущениям определить, какой именно конструкт использован. Этому ей ещё предстоит обучиться. Но проявление Силы она чувствовала безошибочно. Если, конечно, амулеты не укрыты под малахитом.

Видела она наличие или отсутствие амулетов и на окружающих. Пока не очень далеко, всего-то на расстоянии в десяток шагов. А ещё могла в некотором роде определить концентрацию Силы. К примеру, у Гаврилы её было не на один амулет, а у Фёдора Максимовича её проявление стало значительно больше прежнего, значит, и камни стали больше.

Настя покатила на ладони два топаза. Огранка передающего «Маяка». Пяти карат, при кратковременной активации только для корректировки направления и дальности, в зависимости от удаления половинок друг от друга может хватить от полугода до года.

Отложив в сторону один из них, она сжала в ладони оставшийся и, закрыв глаза, скользнула в лёгкий транс. Приёмник этого «Маяка» находится в центре города. Поменяла амулеты. На этот раз на противоположной окраине Пскова. То есть их поместили две разные группы. И если первая охотится за Гориним-Демидовым, то вторая должна идти по её следу.

При мысли об этом Настя настороженно оглянулась по сторонам, хотя и находилась в салоне одна. К сожалению, её

чутьё пока ещё слабое, и она может прощупывать пространство только в радиусе десятка шагов. Чего недостаточно даже для проверки всего «Альбатроса».

Осторожно выглянула из двери, окинув окрестности тревожным взглядом, но ничего подозрительного не обнаружила. Потом успокоила себя тем, что коль скоро к ним подбросили «Маяки», значит, нападать в Пскове точно не собираются. Горин говорил, что дядюшка, скорее всего, выждет какое-то время, пока не уляжется шум. Её сейчас хватать тоже ещё рано, так как преследователям понадобятся дневники её учителя. В особенности последние три. А значит, она дует на воду.

Настя положила камни в свой карман. Лишить их Силы для неё не составляло труда. А тогда уж и связь между половинками пропадёт. Но к чему раньше времени настораживать преследователей. Тем более что их маршрут им, судя по всему, известен. Они ведь открыто получали груз.

Однако после она непременно обезвредит амулеты. А там можно будет спилить одну из вершин граней обычным напильником, лишив конструктор целостности. После чего камень продать, получив за каждый из них рублей по триста, не меньше.

Глава 3

– Ну, наконец-то, – удовлетворённо произнёс Гаврила, едва «Альбатрос» отошёл от причала.

– Что, соскучился по полётам? – подмигнул ему я.

– Соскучишься тут, – с нескрываемой радостью ответил бортмех.

– А вы что скажете, Анастасия Ильинична?

– Мне нравится летать, – задорно произнесла девушка.

Вообще-то, чисто технически они уже летали. И не раз. Проверка состояния машины, просто по привычке к новым габаритам. Опять же, нужно было проэкзаменовать нового штурмана. На первый взгляд, у неё всё получалось хорошо. Как оно будет на практике, покажет время. Но это всё по месту и с дальними перелётами не сравнится.

Взлетели и приступили к развороту с одновременным набором высоты. Я задал примерное направление, а штурман приступила к расчётам. К моменту, когда заняли эшелон в тысячу сажен, мы уже легли на курс. Этой высоты более чем достаточно, хотя потолок «Альбатроса» три тысячи, а на двух расход топлива наиболее экономичен. Но к чему этот экстрим с дыхательными масками. Сжечь лишнее топливо не так уж и накладно, а вот сидеть в масках приятного мало. Кабина-то у Альбатроса не герметичная. Правда, сквозняков все же не так много, как на том же «Гусе». Впрочем,

наверняка оттого, что аэроплан новый.

– Море сегодня хорошее, бурное, – произнёс Гаврила.

– И что хорошего? Если понадобится аварийная посадка, верная гибель, – удивилась Настя.

– Молодо-зелено, – хмыкнул Гаврила. – В такую погоду если даже нас увидит какой разбойник, просто пройдёт мимо. Потому что ни один дирижабль не сможет принять такую махину ни на лётную палубу, ни на крюк. Он тут потому и не предусмотрен. Так что нас только сажать или сбивать. Разбойники же не душегубы. Если только им не приплатили за то, чтобы они устроили блокаду.

– А, ну да. А я как-то не подумала.

К слову, не одна она. Я в эту сторону даже не глядел. Одна из тонкостей жизни вольников. И сколько их мне ещё предстоит узнать. А вот о другом я подумал.

– Держите, – достав из кармана два кольца с александритами, передал их экипажу.

– Хм. Фёдор Максимович, Насте колечко – понятно. Но я с тобой обручаться не собираюсь, – хмыкнул Гаврила.

– Очень смешно, – передразнил его я. – Пройдитесь по салону, проверьте все швы и щели, не подсунули ли нам «Маяк». Груз не смотрите, и так понятно, куда мы должны его доставить.

– Ясно, – уже серьёзно ответил Лужин.

– Гаврила, ты если так уж не можешь без имени-отчества, то хотя бы в самолёте обращайся ко мне, ну, я не знаю, ко-

мандир, что ли. Так оно куда проще, – попросил я.

– Я понял, Лютый, – кивая в знак согласия, ответил тот.

Мне оставалось только махнуть на это рукой. Ну вот хочется ему, чтобы его командир как-то выделялся. Настя только улыбнулась и, приняв колечко, направилась выполнять распоряжение. Вообще-то, это всё равно, что искать иголку в стоге сена. Но другого способа я не знал. Хотя бы по стыкам фанерных листов пройти и то дело. Это самое простое. Снаружи? Сомнительно. Там никаких щелей нет, иначе обшивку задерёт воздушным потоком.

Хотя, конечно, возможностей засунуть небольшой камушек предостаточно. Да хоть дырочку проковырять и забросить в полость крыла. А тогда прыгай между городами без регистрации, не прыгай, толку никакого. Вот интересно, есть ли какой-нибудь действенный способ поиска амулетов? Александрит среагирует, только когда окажется не дальше, чем в паре сантиметров. Двадцатикаратник «видит» эдак сантиметров с пятнадцати, но это всё равно мало, да и какой дурак станет ставить такой «Маяк».

– Ну надо же! Нашёл, – произнёс вернувшийся Гаврила, показывая мне на ладони небольшой прозрачный камушек.

Пятикатник. И да, судя по огранке, это «Маяк». Вот это да. А я ведь это скорее для очистки совести, чем в надежде действительно что-то обнаружить.

– И что с ним делать? Выбросить? – поинтересовался Гаврила.

– Зачем выбрасывать деньги? – удивилась Настя.

– Так он же без половинки, – удивился бортмех.

– Ну и что? Разве сам топаз уже ничего не стоит. Я думаю, рублей по шестьдесят за карат дадут.

– Нам бы его разрядить, – заметил я.

– Так проще простого. Тиски, напильник и пять минут работы. Спилить любую вершину, к которой сходятся хотя бы три грани, появятся ещё три, и структура амулета нарушится, – пояснила штурман так, словно говорила очевидные вещи.

– Не рванёт? – усомнился я.

– Нет. Сила просто развеется в пространстве, – убеждённо ответила Настя.

Гаврила тут же взялся воплощать задуманное в жизнь, выдвинув один из ящиков за спинкой моего сиденья, достал напильник. Потом откинул столик-верстак, и вскоре я услышал, как он трудится над камнем.

«Альбатрос» не только имеет меньше щелей, чем у «Гусы». У него кабина ещё и впереди винтов расположена, самих их только два, и они разнесены по крыльям. Так что в салоне куда тише. Получается разговаривать даже без переговорной сети. Она нужна только для связи, когда экипаж расходится по боевым постам.

– Вроде готово, – слышался из-за спины голос Гаврилы.

– Ну, так проверь его александритом, – предложил я.

– Не реагирует, – удовлетворённо произнёс бортмех.

– Значит, так. Сбрасываем груз в Менском княжестве, а после порожняком прыгаем в Галич. Три-четыре рейса по линии гильдии, а затем опять прыжок и техобслуживание.

– Толково, – согласно кивнул Гаврила.

– И ещё держите. – Я открыл малахитовую шкатулку и передал им горошины «Разговорников» на тонких стальных дужках.

– Ого. А ты не мелочишься, Лютый, – хмыкнул Гаврила.

– Лучше, если мы всегда будем на связи. Мало ли что стрясётся. И постарайтесь их не потерять, а то придётся извлекаться от всего комплекта. Чего не хотелось бы.

– А тут точно весь комплект? – поинтересовалась Настя.

– Я покупал их не с рук, а в лучшей лавке Пскова, хозяин которой дорожит своей репутацией.

– Тогда ладно, – с сомнением произнесла она.

Перелёт прошёл без проблем. Хотя море под нами бурлило как кипящий котёл, на всём протяжении погода была вполне приемлемой. Имелся устойчивый встречный ветер, в результате чего вышел изрядный перерасход топлива. Но в общем и целом всё прошло без проблем, и только с этого рейса я заработал шестьдесят рублей, члены команды по тридцать, да двадцать упали в кассу в качестве амортизационных. И это при том, что груз был по белым бланкам. То есть стандартный тариф.

А вообще, как оказалось, с загрузкой для «Альбатросов» и их одноклассников, появляющихся в разных странах, дела

обстоят не очень. Грузоотправители пока ещё не адаптировались к тому, что появились аэропланы, способные перевозить по три тонны. Поэтому приходится собирать груз по сусякам. К примеру, мы доставили его сразу для пяти получателей. Но нам ещё повезло перевезти его из точки «А» в точку «Б», а то ведь бывает и такое, что развозить приходится по разным портам.

Задерживаться в Менске не стали. Едва разобрались со всем, сделали необходимые пометки в диспетчерской гильдии, как поспешили покинуть гостеприимную столицу великого княжества, убыв для всех в неизвестном направлении. Если вылет порожний, то гильдии нет никакого дела, куда и зачем ты летишь.

Шестьсот пятьдесят вёрст до Дрокии в великом княжестве Галичском проделали за три с половиной часа. Опять встречный ветер и перерасход топлива. Впрочем, на фоне заработков «Альбатроса» не критично. Хотя, конечно, копейка рубль бережёт. Только не мне над мелочью трястись.

На ночь остановились в гостинице при гильдии. Ничего общего с псковским отделением, где не могли сложить цену за номера. Да и предназначение у них иное. То ли дело в Дрокии. Не стольный град, но здание большое и максимально приспособленное для вольников. Помимо административного крыла тут имелся вполне приличный трактир и гостиница с умеренными ценами. Во дворе механические мастерские.

Утром выспавшиеся и отдохнувшие спустились в трактир, а после завтрака Гаврила с Настей отправились к «Альбатросу» готовить его вылет. Я же пошёл к доске объявлений подбирать подходящий груз. И что-то мне подсказывало, что просто это не будет.

Так оно и оказалось. С грузом для самолётов более ста пудов дела обстояли откровенно плохо. Наскоро просмотрел красные, зелёные и жёлтые бланки. Мелочёвка с диаметрально противоположными направлениями. С белыми ситуация немногим лучше. Не глядя на характер груза, начал подбирать попутные. В итоге отобрал пять бланков на сто шестьдесят пудов и в три порта.

– Доброе утро, – поздоровался я, войдя в диспетчерскую.

– И тебе не хворать, – отозвался диспетчер, худощавый мужчина лет сорока.

– Оформляй, – протянул я ему бланки.

– Тэк-с. Что тут у нас. Ого. На чём прибыл?

– «Альбатрос».

– Х-ха. Это ты удачно завернул. Зачем тебе нужен этот сарафан. С недогрузом, да ещё и в разные порты. Или ты не полностью разгрузился?

– Под ноль. Можешь предложить что-то получше?

– Значительно лучше, – подняв палец, многозначительно произнёс диспетчер. – Заказ прямо под твою птичку. Сто восемьдесят пять пудов, жёлтый бланк. Как раз сегодня поступила заявка, ещё не успели выложить на доску.

– То есть обязать ты меня не можешь? – уточнил я.

– Да как же я тебя обяжу, если заявке нет ещё и суток. Вот помаринуется дней несколько, а там кому-нибудь и всучу. Правда, вы такие большие бываете нечасто.

– Что за груз? Куда везти?

– От нашей граммофонной фабрики. Граммофоны, патефоны, фонографы, иглы для пластинок и особый заказ, новинка этого года – две виктролы##1. Доставить нужно на Нитру, Венгерское королевство.

##1 В и к т р о л а – стационарный вариант граммофона, «музыкальный центр» начала двадцатого века. Помимо проигрывающего устройства и усилителя звука, роль которого выполнял сам корпус, в ней были отделения для хранения пластинок. Играла очень громко, мощности корпуса рупора хватало на большой танцевальный зал или гостиную.

– Понятно. Ну что же, оформляй, а я пока верну эти бланки обратно.

– Ага, – не без удовольствия потёр руки диспетчер.

И понять его несложно. За грузооборот отвечает он. Заявка есть, а вот подходящий транспорт пока ещё не столь широко распространён. Несколько дней погоды не сделают, но дальше хуже, и не факт, что сюда завернёт такой большой аэроплан. Град-то княжеского рода, но не стольный, а потому и грузооборот пожиже будет.

– Ну и что у нас с грузом? – поинтересовался Гаврила, вытирая руки тряпицей.

– Почти под завязку и всё одним рейсом, – потрянул я жёлтыми бланками.

– И далеко?

– Нитра, семьсот пятьдесят вёрст.

– От это нам повезло. Ещё и по полуторному тарифу. Больше сотни тебе и почти по шестьдесят нам. Да отлично! Как думаете, Настя?

– Думаю, что мы заработаем чуть меньше, на Нитре нужно будет проводить техобслуживание, а это траты, – улыбнувшись, заметила она.

– Пока ещё рано. Да и на обслуживание копейки. Машины-то новые, – вставил Гаврила.

– Анастасия Ильинична, «Альбатрос» мой, а потому и его обслуживание моя головная боль. Я определил ваше жалование, и вы будете получать его сполна.

– А если ремонт? Он ведь может быть разным?

– Если станет совсем тяжко, уменьшу вашу долю. Это прописано в договоре. Ладно, давайте готовиться. На фабрику уже сообщили, скоро груз подвезут, – поднимаясь на борт покачивающейся на воде летающей лодки, произнёс я.

Не прошло и получаса, как появился грузовик, на котором находилось шесть больших ящиков. Пришлось грузчикам извернуться, чтобы затащить их в грузовой салон. Но мужики опытные. Так что управились. Я проверил целост-

ность и соответствие пломб, расписался в получении груза.

– Доставить нужно в течение восьми часов, – предупредил меня представитель фабрики.

– А если бы заявка провалялась в гильдии несколько дней, – хмыкнул я.

– Но её удовлетворили сегодня, и получатель уже извещён, вас будут встречать, – возразил благообразный мужчина в сюртуке и котелке.

– Хорошо. Я вас понял, – заверил я и попрощался с ним. А потом обратил внимание на озадаченный вид моего штурмана и не удержался от вопроса:

– Анастасия Ильинична, что-то не так?

– М-м-м. Не знаю. Просто нехорошее предчувствие. Может, откажемся от груза?

– Теперь уже без вариантов, – покачав головой, возразил я. – Если откажусь без веской на то причины, велика вероятность, что нас вышвырнут из гильдии с волчьим билетом, а в мои планы это пока не входит. Но если вас настораживает что-то конкретное...

– Н-нет. Не знаю. Просто нехорошее предчувствие.

– Извините, но это не повод отказываться от рейса. Если желаете, можете сойти с борта, – пожал я плечами.

А что такого. Я никого удерживать не собираюсь. А мнительность и суеверия пусть засунет в самый дальний угол. Мне не хватало ещё и с этим разбираться.

Поручив Гавриле и Насте удостовериться, хорошо ли за-

креплён груз, отправился к портовому начальству. Вернулся с местным чиновником, который в свою очередь проверил груз. В смысле всё ту же целостность пломб. При наличии таких мер экипаж за содержание тары ответственности не несёт, это полностью головная боль грузоотправителя и получателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.